

Станислава Бер

АНЖЕН & МАРМ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Выжженное
сердце

16+

Анхен и Мари

Станислава Бер

Анхен и Мари. Выжженное сердце

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бер С.

Анхен и Мари. Выжженное сердце / С. Бер — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Анхен и Мари)

ISBN 978-5-532-99728-8

Всё бы ничего, но непоседа Анхен не хочет больше учить гимназисток рисованию. Как бы сестра-близнец Мари её не отговаривала – там душегубы, казнокрады и проходимцы, куда ты?! Ты ведь – барышня! – она всё же поступает на службу полицейским художником. В первый же день Анхен выезжает на дело. Убит директор той самой гимназии, где они с сестрой работали. Подозреваемых немного – жена и сын убитого. Мотив есть у каждого. Каждый что-то скрывает. Не стоит забывать, что Анхен из рода Ростоцких, и у неё дар видеть то, что другие не в силах. Художница под давлением сестры пытается помочь главной подозреваемой, чем вызывает неудовольствие дознавателя-карьериста. Но не на ту напали! Будьте уверены, она докопается до истины.

ISBN 978-5-532-99728-8

© Бер С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

На уроке	6
В полицейском управлении	11
В гимназии	17
Дачный поселок Хитряево	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Станислава Бер

Анхен и Мари. Выжженное сердце

Нельзя стать гением насильно, но можно нелюдем так стать.

На уроке

По случаю открытия учебного года Анхен и Мари Радовы надели белые передники – широкие и длинные, доходящие почти до края тёмного платья. Анхен поправила белый воротничок сестры, который сбился набок, а Мари даже не заметила. Девочек выстроили в линейку в главном зале с массивной люстрой, колоннами и портретами Романовых, начиная с Михаила Фёдоровича, именуемым в народе Кротким, заканчивая нынешним государем Александром II.

Батюшка благословил их на хорошую учёбу.

... внимая преподаваемому нам учению, возрасли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу.

Директор гимназии, тучный и осанистый, представил учителей, приглаживая пышные усы, выстриженные на манер императорских, переходящих в бороду.

– В этом году в женских гимназиях вводится новый предмет – естествознание. Представляю вашего нового учителя, выпускника Санкт-Петербургского Императорского университета господина Ивана Дмитриевича Колбинского.

Господин Колбинский взял слово. Учитель, нестарый ещё мужчина, начинал лысеть, но по привычке закидывал остатки волнистых волос назад. Он произнес приветственную речь, чем восхитил воспитанниц. Такого прекрасного слога в гимназии давно не слышали. И не морали читал, а по существу, о главном говорил, уверенно и спокойно.

Анхен толкнула Мари в плечо.

– Даже не вздумай! – зашептала она сестре в ухо.

– Ты о чём? – повернулась к ней Мари.

В её тёмно-синих глазах колыхалось искреннее непонимание.

Анна Николаевна Радова, по-домашнему просто Анхен, смотрела на сестру-близнеца как в зеркало. Они были, как две половинки одного яблока, с первого взгляда не разберёшь, кто есть кто. Лишь три вещи помогали их различать: Мари чуть выше ростом, родилась второй; на левом плече её красовалась крупная родинка, у Анхен родинка находилась на правом плече; в минуты волнения тёмные глаза Мари становились синими, точно васильки, ореховые глаза Анхен вспыхивали светло-карим огнём.

– Когда смотришь ты так, я знаю – беде быть. Стихи в тетрадку, в подушку слёзы. Меня не замечает он! Влюбилась уже? – зашипела Анхен.

С раннего детства девочка говорила, странно складывая слова в предложения – шиворот-навыворот, будто стихи читала. Со временем все привыкли и почти не замечали этой странности.

– Вовсе нет. Вздумала тоже, – пыталась отбиваться Мари, но её щёки уже заливал аллергический румянец.

Так всегда случалось с сестрой при обмане. Совершенно не умела правдоподобно лгать.

– Он же старый, – продолжала Анхен.

– Отстань, право слово. Дай послушать, – сказала Мари и добавила. – И вовсе он не старый.

Анхен вздохнула. Это бесполезно.

Иван Дмитриевич в этот день провёл у них ознакомительный урок. Мари сидела, не шелохнувшись, внимая каждому слову. Анхен не могла на это смотреть, поэтому тоже слушала нового учителя, делая наброски в блокноте – вот учитель стоит между парт, а гимназистки, открыв рот, его слушают. Говорил он, и правда, на удивление хорошо. Ведь не словесник же, нет, а вон как соловьем заливается.

– Вам, барышни, особенно будет полезно ознакомиться с физической и химической природой веществ. Судите сами – весь мир состоит из молекул. И кухня, и косметические средства, и платья, и ленты, и шляпки – всё имеет свой химический состав. Верите ли? – спросил учитель, слегка выпучивая и без того округлые серые глаза.

Гимназистки захихикали. Господин Колбинский тоже улыбнулся. Скорее даже скривился левым уголком рта. Однако на восторженных воспитанниц даже эта улыбка-ухмылка произвела благоприятное впечатление. Анхен пыталась запечатлеть в блокноте это мимолётное выражение лица своего невольного натурщика. Она вообще не расставалась с блокнотом и диковинным инструментом с графитовым стержнем – карандашом от Йозефа Хардмута – папенька подарил ей его на Рождество.

– Вы будете лучше разбираться в материи, зная некоторые важные свойства. Разве такие знания будут лишние для современной дамы?

– Не будут! – хором ответили гимназистки.

– Итак, приступим, – закончил учитель вступительную часть, переходя к практике.

Мари повернулась к сестре.

– Помнишь, когда нам было 8 лет, мы завтракали, а мама так радовалась изобретению Периодической системы от господина Менделеева? За завтраком читала всем газету.

– Помню, конечно. Добавила она потом ещё... что-то такое в духе её, – сказала Анхен, не поворачиваясь к сестре.

"В какое чудесное время мы всё-таки живём, уму непостижимо! В золотой век прогресса, в век изобретений и открытий. Так радостно".

– В самом деле! – сказала Мари. – А ты сказала.

"Ну и что такого здесь?"

– И папенька поддержал тебя.

Анхен попыталась подражать голосу родителя.

"Я тоже не понимаю, чему ты так радуешься, Эмма".

Маменька ужаснулась нашей недогадливости.

"Как что?! Изучать химическую науку теперь будет гораздо проще!"

– Да. А мы тогда так и не поняли, чему так радовалась маменька. А теперь у нас начинается курс естествознания. Кто бы мог подумать? Да, Анхен? Это будет мой любимый предмет, – сказала Мари, мечтательно вздыхая.

– Господи, Боже мой! А-а-а!!! – княжна Зотова кричала, что есть мочи.

Все знали, что княжна неповоротлива и неуклюжа. Господин Колбинский этого не знал. Она сидела в первом ряду, немудрено, что выбор на роль его помощницы пал именно на неё. Близоруко шурясь, княжна разлила кислоту и получила сильнейший ожог руки. Однако учителя это происшествие несколько не смутило. Иван Дмитриевич отправил воспитанницу в лазарет.

– Ничего страшного, ей Богу. Не извольте беспокоиться, барышни. Люди тоже состоят из веществ. До свадьбы, как говорится, заживёт.

Более того, он опять скривился в своей отличительной полуулыбке-полуухмылке.

После урока Мари, естественно, вскочила и подбежала вместе с остальными воспитанницами к учителю под предлогом спросить об учебниках. Анхен последовала за ней. Любопытно было посмотреть на этого господина вблизи.

В их классе неуклюжая была не только княжна Зотова. Гимназистка Сеницына тоже не отличалась изяществом манер. Она толкнула Анхен, и той ничего не оставалось, как свалиться прямо в объятия господина Колбинского.

– Простите ради Бога. Нарочно я не делала сие, – пролепетала сконфуженная девушка, отодвигаясь.

Учитель же не смутился, галантно подал Анхен руку, и тут началось...

Свет как будто колыхнулся, как будто в ветреную погоду рябь по озеру пошла. Их класс со стройными рядами парт красного дерева, высокими выбеленными потолками, изразцовой печкой в самом углу медленно растаял. Анхен оказалась в тесной комнатухе на окраине Петербурга.

– Я тебе добра желаю, Иван, только добра, – сказал худой мужчина в поношенном сюртуке и погладил по голове мальчика лет десяти.

Мальчик дёрнулся, втягивая голову в плечи, и с опаской посмотрел на руку отца.

– Не бойся, юноша. Читай дальше.

Иван, а это, несомненно, был господин Колбинский, только у него вместо намечавшейся лысины развивались светлые кудри, продолжил чтение. Он сидел на старом скрипучем стуле – ноги болтались, не доставая до пола – за круглым столом, накрытым пожелтевшей кружевной скатертью. Отец вышагивал вокруг стола, сложив руки за спину, иногда останавливался. Иван боялся поднять глаза, боялся встретить его лихорадочный взгляд.

– Сейчас полдень. Я вернусь на службу, а ты прочтёшь всю книгу до конца и вечером после ужина мне расскажешь.

Папенька уже было собрался уходить, но в дверях остановился.

– Ах, да, совсем запамятовал. Арифметика! Реши задачи с тридцать первой по сорок седьмую страницы. Уразумел?

– Да, папенька, – сказал мальчик, кивая.

Отец ушёл, и Иван вздохнул с облегчением. Расправил стянутые страхом плечи, поднял голову, с ненавистью посмотрел на потрёпанный учебник словесности и отшвырнул его в сторону. Книжка врезалась в стену с полинялыми обоями и рухнула на щелястый некрашенный пол. Корешок надорвался.

Вечером отец сидел за тем же круглым столом с пожелтевшей скатертью и медленно поглощал скудный ужин – засохший кусок колбасы с квашеной капустой, но ел так, как будто пировал с самим императором, церемонно орудуя вилкой и ножом. После ужина раскурил сигару – роскошь, которую он позволял себе раз в неделю. Иван стоял рядом, навывтяжку, не шевелясь.

– Значит, уроки ты не выучил и задачи не решил, – подытожил отец прошедший день спокойным тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– Я устал. Я всю неделю учил. Папенька, у меня голова болит от книжек, – сказал мальчик, поскуливая.

– Я тебе сейчас поведаю кое о чём. Посмотри на меня. Не бойся, подними глаза, Иван. Видишь?

– Что я должен видеть? – наивно спросил мальчик, со страхом поднимая глаза на отца.

– Я – умный. Вот что ты должен видеть! – вскочил отец и с лихорадочным блеском в глазах закричал на сына. – Умный! И ты – неглупый. Весь в меня уродился.

Отец немного успокоился и сел на место.

– А теперь посмотри кругом.

Иван оглядел нехитрую обстановку квартиры – расшатанная мебель, протёртая до дыр обивка, мутные стёкла рассохшегося окна, портрет покойной матушки на секретере, и непонимающе посмотрел на отца. Что здесь такого?

– Я родился в бедной семье осьмым ребёнком. Вырос, почитай, на улице. Ты не представляешь, сколько мне пришлось претерпеть в этой жизни. У меня не было возможности выучиться, но я желал себе другой жизни. А ты – гений, ты – способный мальчик. Понимаешь? Нельзя упускать возможности, что даровала тебе судьба.

Отец набрал полный рот дыма, "прополоскал" его, смакуя, и, не спеша, выпустил дым через нос прямо сыну в лицо.

– Я заставлю тебя учиться. Ты сделаешь то, чего я не смог – получишь образование. И не абы какое, а непременно университетское!

Мужчина притянул к себе мальчика и сделал так, что Иван заорал благим матом.

– Потом сам мне спасибо скажешь, – добавил отец, скривившись в полуулыбке-полуухмылке.

Анхен в ужасе отдернула руку от господина Колбинского. Её глаза вспыхнули светло-кариым огнём. Она судорожно сглотнула и выбежала из класса, не дожидаясь сестры. Лишь во дворе гимназии она остановилась и присела на скамейку подле белой круглой беседки.

– Что с тобой? – подошла к ней запыхавшаяся Мари, участливо заглядывая в глаза. – Насилу догнала, ей Богу!

Сестра подала ей шляпку, перчатки и ученическую сумку.

– Дурно стало что-то, – нахмурилась Анхен, не глядя на сестру.

– Тебе надобно прилечь. Пойдём скорее домой, – сказала Мари, схватив её за руку.

Анхен позволила ей увести себя, тем более идти было недолго. Радовы квартировали на набережной Екатерининского канала, в том же доме, где выросла маменька. По мощёной дороге проносились пролётки, кавалеры под руку с дамами прогуливались не спеша, околоточный прикрикивал на зевак. Анхен шла, ничего не замечая, разглядывая лишь белые колонны да крылатых львов у моста. Наконец показался их дом. Высокий, в четыре этажа, с длинными узкими окнами, он приютил внизу кондитерскую лавку и магазин мануфактуры.

– Ты – бледная! – забеспокоилась сестра. – Пойдём быстрее.

Бегом, вверх по парадной лестнице с широкими ступенями, хватаясь порой за холодный чугун кованых перил, они поднялись на третий этаж.

– Маменька, Анхен плохо! – с порога заявила Мари.

Эмма Радова, тридцати шести лет от роду, в пышном золотистом платье с кружевными рукавами на шум вышла в прихожую. Лишь взглянула на дочь и нахмурилась.

– В комнату. Быстро, – тихо распорядилась она.

Анхен уложили на чёрный кожаный диван с высокой спинкой, подложив под голову подушки. Мать уселась на краешек.

– Что случилось? – спросила Эмма старшую дочь.

– Она упала на нового учителя, а потом спохватилась и выбежала из класса в чём была, – затараторила младшая.

Эмма досадливо скривилась.

– Мари, прошу тебя, иди к себе, – попросила её мать, не оборачиваясь. – Мне нужно поговорить с Анхен наедине. Хорошо? А с тобой я после, после.

Мари вспыхнула, сверкнула глазами-васильками и демонстративно медленно вышла из гостиной.

– Рассказывай, – потребовала Эмма, как только за младшей дочерью закрылись двери.

Негласное разделение, что Анхен – маменькина дочка, а Мари – вся в папеньку, поселилось в семье Радовых с самого их рождения. Эмма тянулась к старшей из близнецов, понимая её без лишних слов. Никола же больше симпатизировал младшей дочери.

– Я, право слово, не знаю, начать как, – сказала Анхен, тяжело вздохнув.

– Начни с самого начала, – посоветовала Эмма.

– Новый учитель. Закончил он урок, я подошла, Синицына толкнула, упала я, и вот... – выпалила девочка.

– Анхен, ради Бога, успокойся. Выдохни и объясни толком, что произошло, – сказала маменька, склонившись над ней, поглаживая по тёмным волнистым волосам, собранным в тугую косу.

Этот жест, мамино прикосновение, её тихий голос успокоил гимназистку.

– Господин Колбинский – новый наш учитель. Естествознание ведёт. Провёл занятия он, обступили девочки его, тоже подошла и я послушать. Неуклюжая Синицына толкнула в спину меня, упала на учителя, подал он руку мне, и странное со мною приключилось.

– Что именно? – встревожилась мать.

Она уже начала догадываться, отчего весь этот сыр-бор.

– Диковинная картинка перед глазами появилась. Увидела я учителя этого в возрасте младом. Будто папенька его уму-разуму учит, а мальчик Колбинский плачет. Сцена сия страсть как ужасна была. Ей Богу! Руку я отдернула и убежала, а потом затрясло меня, и покинули силы.

Эмма отвернулась от неё, села прямо, выдержала паузу, обдумывая. Наконец собралась и начала.

– Вот и в твоей жизни наступил этот момент.

– Какой ещё момент?! – спросила Анхен, приподнимаясь с подушек и пытаясь разглядеть лицо матери.

– Ты одна из нас, – загадочно сказала мать.

– Из кого это из вас? – с подозрением спросила девочка и села рядом с матерью.

– В нашем роду по женской линии передаётся особый дар. Пра-пра-пра-бабка моя Агния Ростокская родилась, когда в повозку ударила молния. Может быть это обстоятельство, а может что-то другое, только женщины в роду Ростокских видят то, что другим ни видеть, ни знать не дано природой.

– Как это?! Ты не мудри, на примере расскажи мне, мама.

– Ну вот, взять хотя бы случай из моего детства. Гостила я у бабушки в монастыре. Солнечный удар со мною приключился. Вышла я во двор на следующее утро и чувствую неладное. И точно. Любимую бабушкину собаку бревном зашибло. Подхожу к ней, руки протягиваю, и хворь всю из животного забрала. Мне было плохо потом, но это другое.

Анхен захлопала в ладоши.

– Чудеса! – восхитилась она.

– Ну и другие есть видения, – грустно добавила Эмма, встала и подошла к окну, уставившись на тёмную, вздыбленную воду в Екатерининском канале.

– Какие?

– Не хочу сейчас об этом.

– Значит, с тобою мы – чудесницы!

Анхен соскочила с дивана и закружилась по комнате.

– Чародейки!

Ещё один оборот.

– Колдуньи!

Внезапно она остановилась.

– А как же Мари? Не такая она?

Анхен считала сестру частицею себя – у них всё должно быть одинаково. Эмма повернулась к ней.

– Да. Мари повезло больше. Ты пойми, доченька, непростой это дар – он обязывает, иногда он лишает покоя. Блажен, кто не ведает. А мы ведаем, нам тяжело порою приходится жить.

– Да как же так, маменька?! Это же сила, это же мощь, это же дар Божий, – возмутилась Анхен. – А говоришь ты, что это тяжело. Не пойму я чего-то.

– Поверь мне, доченька, лучше никому не рассказывать о даре том. Даже сестре.

В полицейском управлении

Анхен со счастливой улыбкой летела по набережной, что не подобает благовоспитанной барышне, как сказала бы Мари, потом она остановилась у моста с крылатыми львами и посмотрела на улицу. Как же она, улица их детства, сильно изменилась за прошедшие четырнадцать лет – уму непостижимо! На углу открылся салон светописи знаменитого на весь Петербург художника Карелина. Фотографические карточки стояли немало, но девушка решила накопить денег и всё же заказать у художника их с сестрой портрет, да маменьке на Урал отправить. Теперь-то ей есть с чего копить. Она нынче получила должность. И не абы какую, а такую, что сердце в груди бешено колотилось – полицейский художник.

– Не хочу, не могу, не буду, – сказала тем утром Анхен, не открывая глаза и даже не поднимаясь с постели.

Она проснулась с тихой грустью – начинался новый учебной год и идти в гимназию не было никаких сил и желания. Перед отъездом в уральский монастырь маменька устроила дочек преподавать – Мари чистописание, Анхен рисование. Брать не хотели – гимназия на хорошем счету, с высокой платой за обучение, понятно, какого рода ученицы сюда поступают, да и учителя должны соответствовать высочайшей планке. Но Эмма Ростockая, сменившая к тому времени фамилию себе и дочерям, надавила где надо, по старым, так сказать, дворцовым связям, и девочки теперь успешно трудились в сфере образования. Пусть не на полную ставку, пусть только у младших классов, Мари всё устраивало, Анхен же, с её темпераментом, желала другого.

– Не может быть! – воскликнула она за завтраком, держа в руках газету.

– Господи, да что же ты так кричишь? – укорила её Мари. – Я чуть чай не расплескала.

Из их старого дома им пришлось переехать ещё тогда, когда матушка уехала. Теперь они снимали квартиру скромнее, по средствам. Из старой жизни взяли лишь самое ценное – книги, столовое серебро, фарфоровый сервиз, наряды, старую служанку Акулину да старое фортепиано. Мари любила музицировать, грустить под сонаты господина Бетховена. Анхен же к ней присоединялась лишь в дурашливом настроении. Тогда они играли в четыре руки и пели романсы, чем вызывали неодобрение домовладелицы. Мари извинялась за них обеих, что потревожили покой соседей. Анхен, как правило, показывала язык, как только за хозяйкой закрывалась дверь, но петь прекращала.

– Требуется в полицию художник, – выпалила старшая из близнецов, вспыхивая ореховыми глазами и демонстрируя сестре объявление. Мол, полюбуйся, я не придумываю.

Завтрак проходил в просторной гостиной с голубой керосиновой люстрой, низко висящей над небольшим прямоугольным столом посередине комнаты.

– Ну и что? – спросила младшая, заправляя за ухо дужку очков.

– Да как не понимаешь ты?! Это же то, что нужно!

– Да зачем же тебе это нужно? Я крайне удивлена. Там воры, убийцы, казнокрады и проходимцы. Ты – барышня, а не мужлан какой-нибудь.

– Пойду туда я, – упрямо заявила Анхен.

– Вот тоже выдумала, – проворчала Акулина, убирая со стола. – Белены объелась никак.

Старая служанка любила дерзить, но они так к ней привыкли, что дерзости уже не замечали.

– Одумайся! Разве не лучше, не спокойнее учить девочек? И что скажет маменька? – Мари переставила упор на здравый смысл и авторитет матери.

– Для тебя да, лучше. Для меня нет. Ни в коем случае. Тоскливое сие занятие – преподавать. Там жизни нет!

– Ну и иди! Пожалуйста. Никто и не держит, – вдруг согласилась Мари, с ехидной, впрочем, интонацией – вот-вот язык покажет.

Сестра на миг замерла, затем лицо её озарила торжествующая улыбка.

– Тебя не возьмут в полицию, это точно, – заявила нахалка безапелляционным тоном.

– Сей вывод откуда ты взяла? – спокойно спросила Анхен.

– Ты что забыла, что натворил папенька? Думаешь, в полиции об этом неизвестно? Нет, нет, даже не мечтай, дорогая сестрица, – сказала Мари, самодовольно улыбаясь – аж румянец проступил на её округлых щёчках.

Анхен схватилась за лицо обеими руками, широко распахивая от ужаса глаза дивного орехового цвета и хлопая длинными ресницами.

– Ой-ё-ё-ёй!

Через мгновение она рассмеялась самым издевательским образом.

– Думаешь, о сём я позабыла? Нет. Ни в коем случае. Прекрасно помню я об этом. Мамин друг, что из дворцовой стражи, мне поможет. Он ведь в курсе давних тех событий, и знает, что маман, а тем более мы с тобой, ни в чём не виноваты. Пойду к нему, записку он напишет мне.

– Всё равно тебя не возьмут. Где это видано – барышня в полиции служит?!

– Где это видано – барышня в полиции служит?! – слово в слово повторил упитанный рыжебородый господин в сером костюме в жёлтую клетку. – Не видано это нигде. У нас не каждый юноша выдержит! Такое, знаете ли, приходится наблюдать порой, а тут надо же, девица пришла. Нет, нет, идите себе с миром, мамзель. И записочку свою заберите с собой.

В полицейском участке её препроводили в просторную комнату с полосатыми обоями и балясником красного дерева, делящим комнату на кабинетную часть с несколькими столами и допросную. Господин Фёдор Осипович Громыкин как её увидел, так руками и замахал. Прочь! Прочь! Карие узкие глаза дознавателя превратились в кругляшки, точно пуговицы. Этого ещё не хватало – девица – полицейский художник?!

– Быстро схватываю я и детали мигом запоминаю, – прокричала ему Анхен, ловко изворачиваясь от неловких рук толстого городского, пытающегося её увести от сыскарей прочь. Оплошал, извиняйте.

– Это как же так мигом? – вышел из-за своего стола и приблизился к ней худощавый молодой человек с каштановыми волосами, зачесанными на прямой пробор. – Позвольте представиться. Иван Филаретович Самолётов. Чиновник сыскной полиции. Делопроизводитель.

Глаза господина Самолётова Анхен понравились. Она бы назвали их библейскими – мудро-печальные, как с иконы эпохи Возрождения. Она с удовольствием их нарисует, как-нибудь на досуге.

– А вот так! Память хорошая на лица. Вот мне любого человека покажите на полминуты, портрет его я нарисую Вам. Ростоцкая, – представилась и Анхен, слегка склонив голову набок. – Анна Николаевна.

Анхен нарядилась для столь важного визита тщательно – надела выходной костюм цвета пыльной розы, деликатную шляпку с розовыми астрами, даже соизволила нацепить рубиновые серьги – чего уж теперь скромничать. Смуглую кожу её оттеняли белая рубашка и красные перчатки по локоть.

– Прочь! Прочь! – талдычил господин Громыкин, не слушая барышню.

– Отчего же не попробовать, Фёдор Осипович? Занятное дельце, – повернулся к нему лощёный господин Самолётов с причёской а-ля Капуль.

– Ну как знаете. Как знаете, – вдруг согласился рыжебородый дознаватель, возвращаясь к бумагам.

Делопроизводитель Самолётов проводил её в допросную часть помещения – покорнейше прошу садиться, галантно пододвинул ей стул, а сам вышел из комнаты и вернулся только через пару минут.

– Сейчас к нам приведут задержанного. Ровно на полминуты, как Вы похвалялись ранее. И уж, пожалуйста, времени даром не теряйте, – заговорщицки подмигнул ей Иван Филаретович и встал подле неё, вытащив из жилета часы на цепочке. Тик-так, тик-так.

Анхен молниеносно сняла длинные перчатки, достала блокнот и карандаш от Йозефа Хардмута, подаренный папá – последний из рождественской коробки, и приготовилась.

В кабинет сыскальной полиции всё тот же толстый городской ввёл ничем непримечательного мужика, коих на улицах города слоняется множество. Однако Анхен сумела заметить всё, что ей было нужно для рисунка – высокий с залысинами лоб, расчерченный морщинами, соловые тёмные глаза, крупную родинку на левой щеке, бородку с седой прядью, пиджак с чужого плеча, пыльные штаны и стоптанные сапоги.

– А чё надоть делать, а? – спросил мужик растерянно, переминаясь с ноги на ногу.

– Ничё! Стой смирно, – гаркнул на него служивый.

Делопроизводитель Самолётов отсчитал полминуты и кивнул городскому, задержанного увели. Анхен ещё минут десять шлифовывала портрет, прежде чем решила показать работу этому щеголеватому франту Самолётову. В груди всё трепетало. Городовой опять привёл в кабинет мужика с родинкой.

– Боже мой! Mon Dieu! Как же это?! – воскликнул Иван Филаретович, забрав у барышни рисунок.

Какой кошмар! Сейчас её выведут отсюда с позором. Какой вздор, убожество и гордыня – возомнить себя талантом там, где живёт простая посредственность. Госпожа Ростоккая надела перчатки, собираясь выходить, не дожидаясь, когда её к этому принудят.

– А я говорил, не слушаете Вы, юноша, старшего товарища. Не слушаете, – оторвался от бумаг господин Громыкин. – Ради Бога, барышня, не мешайте работать. Идите уже домой, к мамáн, к вышиванию и книгам. Домой!

– Ни в коем случае! – опомнился юноша.

– А куда ей прикажете идти? Куда? – растерянно спросил господин Громыкин.

– Господа, взгляните! Прошу вас, господа. Это же почти фотографическая карточка. Atelier de photographie!

Делопроизводитель Самолётов подошёл к дознавателю, затем ещё к двум служащим, демонстрируя портрет задержанного. Сослуживцы согласно закивали, глядя то на рисунок, то на мужика в стоптанных сапогах – он теперь не спрашивал ничего, стоял смирно, осознавая важность возложенной на него миссии. Поразительное сходство! Дознаватель Громыкин поправил пенсне, разглядывая недоверчиво.

Анхен стояла, не смея пошевелиться.

– Ну что же, не дурно. Не дурно, – после паузы нехотя выдавил из себя дознаватель.

Госпожа Ростоккая выдохнула. Ну, слава Богу!

– Не дурно?! Да что Вы такое говорите, Фёдор Осипович? Право слово, как же Вы скупы на похвалу. Барышня, это полный шарман!

Господин Самолётов подошёл к господину Громыкину, пошептался с ним с минуту. Как можно?! Барышня... трупы... убийцы... лиходеи. Нет-с... Талант! Давно уже ищем... Решайтесь! Подведёте Вы меня под монастырь... Ах, впрочем, давайте. Только должно сие решение согласовать с начальством.

Господин Громыкин встал, снял пенсне, положил его в карман, одёрнул клетчатый пиджак, перекрестился, повернувшись к иконе, взял со стола рисунок мужика с родинкой и торжественно прошествовал мимо госпожи Ростоккой к двери. Господин Самолётов же подошёл к Анхен и доверительно понизил голос.

– Понимаете, у нас начальство нынче новое. Прежнее, я Вам доложу, было совершенно другой формации человек. Genie! Да, что я Вам рассказываю?! Вы и так должно быть слышаны про подвиги господина Путилина по части раскрытия громких преступлений.

– Да, слышана. Про перевоплощения господина главного столичного сыщика в черно-рабочего, купца или в бродягу весь Петербург в своё время шумел, – закивала Анхен. – А разве уж не служит он в полиции сыскной?

– К великому моему сожалению, недавно он подал в отставку, – сказал господин Самолётов, поджав пухлые губы. – Такой душевный человек. Талантище! Самородок! Никогда не применял рукоприкладство по отношению к подозреваемым, голоса не повышал даже. Всё только умом да природной смекалкой раскрывал дела, выводил преступников на чистую воду.

– Какая жалость, – приуныла госпожа Ростоцкая. – А нынешний что же?

– А нынешний... – замешкался Иван Филаретович, подбирая слова, и, наконец, промолвил. – Из потомственных дворян. Господин Орловский Константин Михайлович. Прапорщик запаса артиллерии. После был определен на службу в штат полиции чиновником канцелярии обер-полицмейстера.

– И что же? – спросила Анхен, удивлённо распахнув ореховые глаза.

Господин Самолётов ещё сильнее понизил голос, переходя почти на шёпот.

– Говорят, участвовал в ликвидации революционных кружков.

– Ну, так что же? – настаивала она на полной версии истории.

– Проявил непомерную жестокость. Как только господин Путилин подал в отставку, тотчас же подал прошение на его место. Теперь непомерную жестокость проявляет в отношении подчинённых. Grand Inquisiteur. Я про жуликов и не говорю уже.

– Ах, вот оно что, – закачала головой Анхен.

Дверь открылась, и господин Громыкин вернулся в кабинет. Прикрыл за собой дверь и остановился, выдохнув. Художнице стало его жаль. Красное лицо чиновника говорило о волнениях, кои выпали на его долю. Однако, отдышавшись, Фёдор Осипович также торжественно прошествовал к своему столу, не смотря в сторону барышни. Господин Самолётов проследовал за начальником. Они перекинулись парой фраз, после чего сыщик обернулся, глядя на кандидату на должность полицейского художника без малейшей тени улыбки.

"Ну, всё понятно. Дело пахнет керосином. Господин Орловский отчитал дознавателя, и её всё-таки выгонят отсюда с позором. И поделом. Нечего соваться туда, куда не просят".

Делопроизводитель Самолётов вернулся в допросную часть кабинета.

– Любезная Анна Николаевна, Вы приняты на службу в сыскную полицию. Ждём Вас завтра утром. Во всеоружии, так сказать, – заявил молодой человек, церемонно расшаркиваясь, затем неожиданно добавил. – Позвольте поцеловать Вам руку.

Анхен, ничуть не смутившись, сняла перчатку и величественно подала руку. Как учила маменька. Кисть расслаблена, опущена, слегка округлена. Делопроизводитель склонился в почтительном наклоне, но руки не коснулся губами. По всему было видно, что господин Самолётов манеры знал не понаслышке. Неужели из наших, дворянского рода? Но что он делает в полиции? Ах, Бог ты мой! А что здесь делает она сама, Анхен?

– А про нервы мои вы, господа, не беспокойтесь. Я в обморок не упаду, – на прощание сказала Ростоцкая и гордо удалилась из кабинета.

Выйдя из здания управления полиции, Анхен немного прошла по тротуару, не выдержала и остановилась. Выдохнула и посмотрела в небо – свинец с прожилками сирени. Такое небо не грех и нарисовать.

– Анна Николаевна! Голубушка! Пойдите.

Она оглянулась. Господин Самолётов в одном сюртуке выбежал вслед за ней.

– Позвольте проводить Вас, – попросил он.

– Но я... – хотела отказаться Анхен, но не успела.

– Я должен рассказать Вам о новом методе в поиске преступников. Вам легче будет понять миссию, которая на Вас возлагается, – убедил её Иван Филаретович и подставил локоть.

– Извольте, – согласилась она, взяв его под ручку.

– Сейчас во всём прогрессивном мире используется измерительная система идентификации преступников. Бертильонаж называется. С бандита снимают мерку – всего 14 показателей, и заносят в картотеку. Вероятность, что у двух человек совпадут параметры тела и лица, равна нулю.

– Я, кажется, о методе таком читала. В газетах писали, – неуверенно заметила Анхен.

– Писали, писали! – закивал господин Самолётов. – В этом году и наша доблестная полиция взяла на вооружение изобретение Альфонса Бертильона. Но! Я полагаю, нам обязательно нужны портреты. Illustrations. Понимаете? Именно портреты. Измерения – это, конечно, хорошо, но по размеру головы убийцу не поймаешь. А вы отлично рисуете. Даже выражение глаз и настроение через портрет передать можете.

– А как же фотография? Там точность достоверная.

– Фотографы за услуги немалый счёт выставляют, да и техника громоздкая для выезда на место преступления, а художнику немного надо – глаза, бумага и карандаш. Ведь так? Опять же портрет со слов свидетелей фотограф сделать не сумеет, ему натуру подавай. Мы очень рассчитываем на Вас и Ваш талант рисования.

– Я не подведу, – сказала госпожа Ростоцкая и хотела даже шутливо козырнуть, но передумала.

Досье на господина Громыкина Фёдора Осиповича

Возраст: 49 лет.

Место рождения: Новгородская губерния, Валдайский уезд, деревня Березовка.

Из какого звания происходит: из крестьян.

Вероисповедание: православное.

Есть ли имя у него самого и у родителей: родовое, благоприобретенное: нет.

Есть ли имя у жены, если женат: родовое, благоприобретенное: нет.

Чин: VIII классный чин.

Должность: чиновник для поручений.

Знаки отличия, награды: кавалер Ордена Святого Владимира 4-й степени за выслугу лет в гражданских чинах.

Содержание: 1000 рублей и дополнительно: столовые деньги – 500 рублей, квартирные – 300 рублей и на всех 600 рублей на поездки.

Где получил воспитание: родители одного сгорели при пожаре. Бродяжничал. Был определён в воспитательный дом в Новгороде, где был обучен грамоте. При содействии опекунов был направлен на учёбу.

Полный курс наук: 4 класса Новгородской гимназии. Обучение оплачивал один из опекунов.

Послужной список:

Военная служба

24 ноября 1861 года. В службу вступил в Гренадерский Таврический полк Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича подпрапорщиком.

17 августа 1862 года. Получил звание прапорщика. По представлению командира полка за особые заслуги.

25 декабря 1863 года. По Высочайшему приказу за болезнью оный уволен от службы для определения к статским делам.

Статская служба

23 февраля 1864 года. Определён по прошению городовым в полицейскую стражу.

22 марта 1865 года. Поощрен ценным подарком за пресечение попытки грабежа депутата Дворянского Собрания.

15 апреля 1866 года. Вступил в должность письмоводителя 3-го квартала Адмиралтейской (Казанской), Выборгской, Нарвской полицейских частей Санкт-Петербурга.

13 октября 1867 года. От сей должности по прошению уволен. Определен для обучения сыскному делу.

26 ноября 1868 года. Поступил на службу в сыскное отделение старшим помощником пристава Литейной части Петербургской полиции.

12 июня 1872 года. Вступил в должность квартального надзирателя Петербургской полиции.

5 августа 1876 года. Определен в приставы четвертого Спасской, Нарвской частей Санкт-Петербургской полиции.

18 июня 1878 года. Переведен на должность дознавателя.

24 января 1886 года. Был представлен генерал-губернатору обер-полицмейстером. Характеризовался как "особо полезный". Проявил особенную энергию в раскрытии виновных в девятнадцати выдающихся делах", например, о краже из почтамта 180 тысяч рублей.

22 августа 1888 года. В награду усердного и беспорочного прослужения, в воздаяние отличного и ревностного исполнения служебных обязанностей во время арестования важных преступников, при чем подвергал жизнь свою опасности Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Святого Владимира 4 степени.

Взыскания: таковых не имеется.

Нахождение под судом: такого не имеется.

Походы против неприятеля: не участвовал.

Холост или женат: женат на дочери полковника Николая Спиридонова девице Александре Николаевне. Имеет пять дочерей: Анна, родившейся 1867 года, Елизавета, родившейся 1868 года, Анастасия, родившейся 1870 года, Наталия, родившейся 1872 года, Евдокия, родившейся 1879 года.

Дети: Анна, Елизавета и Наталия замужем. Дочери Анастасия и Евдокия находятся при отце.

Жена и дети православного вероисповедания.

Заключение: к продолжению статской службы способен и повышения чином достоин.

В гимназии

Анхен со счастливой улыбкой неслась по набережной, что не подобает благовоспитанной барышне – мимо мостов, мимо круглых тумб со старыми афишами, мимо стройных рядов домов с колоннами и без оных, притёршихся друг к другу. Сердце в груди бешено колотилось: Анна Ростоцкая – полицейский художник!

– Радостная весть, Мари! – вместо приветствия заявила она сестре, зайдя по пути в женскую гимназию, ту самую, где они когда-то учились.

– Отдышись. Ты что же это, бежала? Анхен, это не подобает благовоспитанной барышне, – всё-таки укорила её учительница чистописания.

Мари уже закончила урок и наводила порядок в классе.

– Не суть. Взяли они меня! Взяли! Приняли на должность, – воскликнула Анхен, помогая собирать аспидные доски с губками со столов учениц.

– На какую ещё должность? Толком говори, – потребовала Мари, вытирая с доски.

– Буду работать я в сыскной полиции! – глаза её сияли торжеством.

– Взяли?! Не может быть! – сестра даже обернулась, перестав вытирать доску.

В коридоре послышался топот, затем стук, гул, крики. Кто это шумит? Занятия закончились, и воспитанницы покинули учебный корпус.

– Я тебя, паскуда, живьём закопаю, сгною, изничтожу! Ты у меня вылетишь отсюда с волчьим билетом!

Господин Колбинский, теперь уже директор гимназии, басил на весь этаж, не стесняясь в выражениях.

– Ты всё неправильно понял! – взвизгивал тонкий женский голосок.

– Да ничего не было. Вам показалось, – бубнил баритон.

– Да пошли вы, оба! К херам собачьим!

Мари покраснела и закрыла уши ладонями. Анхен приоткрыла дверь, пытаясь выглянуть в коридор. Сестра её остановила – это неприлично! Гул голосов троицы покотился дальше по коридору, и когда уже со двора послышалась всё та же ругань, Анхен не выдержала и выглянула в окно. Директор, сильно располневший с той поры, когда они сами были гимназистками, стоял у брички в съехавшей набок шляпе, размахивая тростью с серебряной рукоятью в виде ушастого зайца – Анхен не раз её рисовала, вещица была редкой, ручной работы известного мастера, и нравилась Ростоцкой.

– Убирайся из моего дома! Чтобы ноги твоей... Чтобы духа твоего... Тварь! Змея подколотная! – кричал господин Колбинский, ритмично работая тростью в подтверждении своих слов.

– Одумайся. Люди слышат, – увещевала его супруга, а это была именно она.

И правда – в отдалении застыл дворник с метлой в руках, кухарка выливали помой, да так и остановилась с лоханью, оперев руку в бок – загляделась, не часто такое случается, щуплый мужик с окладистой бородой тоже заслушался.

– Пусть слышат, – спокойнее сказал господин Колбинский, сел в бричку и хлестнул лошадь, совершенно неповинную в его несчастиях.

Директор укатил восвояси. Ольга Колбинская постояла немного, посмотрела в след уезжающему мужу и вернулась в здание гимназии.

– Промеж них случилось что? – спросила Анхен сестру.

– Откуда я могу сие знать? – ответила вопросом на вопрос Мари, пожав плечами. – Милые бранятся, только тешатся.

Но она всё же сбегала к Ольге – они дружили, вернулась, ничего не объяснила, бросила Анхен короткое:

– Пойдём.

Сестры вышли из гимназии и отправились не спеша домой. День стоял погожий, дела закончены, хотелось прогулки и сладостей. Шли вдоль пассажирской конно-железной дороги, вдоль цветочных ларьков, вдоль сквера, где Анхен присела и нащипала травы в специально заготовленный мешочек, вдоль магазинов готового платья с кокетливыми вывесками. Брички, выезды, извозчики, крестьянские телеги – ух! какое же движение в Российской столице, голова идёт кругом.

– Нам, пожалуйста, килограмм во-о-он тех конфет господ Абрикосовых, коробку монпансье и пастилы, – заказала Мари, стоя в кондитерской лавке у прилавка орехового цвета со стеклянной витриной.

– Для вас, милые барышни, только самое лучшее! – воскликнул улыбчивый хозяин. – Давненько вы не заходили к старому Жоржу Мармеладову.

– Сегодня есть у нас повод, – улыбнулась ему Анхен. – Получила должность я.

– Мои поздравления, Анна Николаевна, – сказал кондитер, улыбаясь в усы. – Так возьмите ещё печенье и пирожных ради такого случая!

– На печенье ещё не заработала я, – вздохнула она.

Со всеми этими сокровищами, упакованными в два увесистых свёртка, перехваченных бечевкой, барышни отправились к себе. Небольшой трёхэтажный дом их рядом с Гороховой улицей вклинился промеж двух высоких братьев, как будто ребёнок на прогулке промеж родителей. Адмиралтейство сёстры не наблюдали, хоть и окна выходили на улицу. Первый этаж сдавался под торговлю, второй и третий этажи – квартирантам. Ростоцкие вошли во двор через арку.

– Вы сегодня рано, барышни. Ах, впрочем, понимаю, понимаю – первый учебный день, мало занятий, – приветствовала их домовладелица, едва они открыли дверь парадной.

Госпожа Серафима Савельевна Вислоушкина, чрезвычайно подвижная, сухощавая дама пятидесяти восьми лет отроду, имела обычай расхаживать по дому в компании с белым жизнерадостным пудельком, следить за порядком и разговаривать с жильцами. Бездетной вдове было скучно сидеть в своей квартире одной, и она искала общения при любой возможности.

– Совершенно верно, – сказала Анхен, пытаясь проскользнуть мимо.

– Ой, а что это у нас за праздник? Покупки, да ещё из кондитерской Жоржа Мармеладова. Боже, как она различает, откуда свёртки? Уму непостижимо!

– Маленькие радости, – коротко пояснила Мари. – Доброго вечера, Серафима Савельевна.

В квартире Ростоцкие переоделись в домашнее. Мари пошла на кухню, просить Акулину накрывать на стол. У Анхен были дела поважнее.

– А где здесь девочка моя? Здесь красавица моя где? – засюсюкала Анхен, опускаясь на пол и запуская руку в божественно мягкий клубочек.

Девочка, она же красавица, ткнулась шершавым носом в ладони хозяйки, подставляя лоб.

Крольчиху Джоконду, белую, с черными ушами, в их дом привёл случай. Сёстры пошли на воскресный базар. Акулина совсем плохо видела – ей могли втюхать что угодно, но по привычке ходила за покупками с барышнями. Ушлый мужик в картузе, косоворотке и забрызганном кровью фартуке пытался продать им это милое создание на суп.

– С изъёмом крольчиха-то, ага. На кой чёрт она мне сдалась, коли родить не может, – рассказывал им болтливый продавец. – Приплода-то нету. Пустоцвет, понимаешь.

– Совсем она ни на что негодная? – поинтересовалась Мари, глаза её под стеклами очков уже были на мокром месте.

– Ага. Но Вы, барышни, не подумайте чего. Крольчиха здоровая. Будете кушать суп или *коклетки* и пальчики облизывать, ага, – сказал мужик и подмигнул Анхен.

Она покосилась на сестру в предчувствии. Так и есть – Мари была готова разрыдаться прямо здесь и сейчас, в самом людном месте Петербурга. А то и в обморок упасть. Боже, как неловко, как стыдно!

– Мы берём, – решительно заявила Анхен.

– Вам голову отрубить? – спросил мужик, довольный тем, что покупатели даже не торговались. – Извиняйте, барышни. Не вам, само собой, а крольчихе.

Мужик хлопнул себя по лбу. Дурья башка, несёт что попало.

– А могу и освежевать, – подобострастно предложил он. – Я мигом, перчатки не успеете снять.

– Не надо! – хором воскликнули сёстры-близнецы.

Домой они возвращались тогда с разными чувствами: Мари счастливо прижимала к себе чёрноухого пушистика, Анхен шла, нахмурившись. Средств у них хватало только на продукты, а она все деньги спустила на спасение крольчихи. Или всё же на спасение Мари? А ещё на будущей неделе нужно заплатить молочнику, булочнику и мадам Вислоушкиной. Их учительского жалования с трудом хватало на расходы. Акулина как всегда ворчала.

– Ишь, чего удумали, животину спасать. На то она и бестолковое существо, чтобы на сковороде тушиться. В сметане. С картошкой. С луком. С грибами.

Старушку никто не слышал и не слушал. Только крольчиха косилась боязливо. В квартире они устроили животному домик из старого ящика, поставили ей миску с водой, насыпали немного зерна, накрошили ботвы.

– Странная она, – заметила Анхен, наблюдая за животным.

– Почему это? – возмутилась Мари.

Первые дни она не отходила от нового члена их маленького сообщества – играла с ней, тискала при каждом удобном случае, даже про свои любимые книги позабыла.

– Не любит она, когда берёшь её на руки ты.

– А ты её вообще не берёшь, – парировала Мари обиженно.

– Ей надобно, чтобы чесали лоб.

Крольчиха встрепенулась при этих словах, избавилась от Мари, прискакала к Анхен, потёрлась о её ногу. Художница наклонилась, животное тотчас же пропихнула носом её руку ко лбу. Барышне ничего не оставалось, как его почесать. Сама догадалась, вот и поделом.

– Какой взгляд у девочки нашей! Скорее посмотри! – воскликнула Анхен тем же вечером.

– Взгляд как обычно. На что тут смотреть? – спросила Мари.

– Неправа ты вовсе. Необычный он такой, загадочный, как будто что-то ведает она, чего не ведаем мы. Как у Джоконды!

– Как у кого? – переспросила Мари, нахмурившись. Опять сестра что-то напридумывала, а крольчиха теперь трётся у её ног. Вот всегда так!

– Картина итальянского художника Леонардо да Винчи. Портрет госпожи Лизы дель Джокондо. Неужели ты позабыла сие творение?

– Ничего я не позабыла. Я и не помнила сие, – буркнула тогда Мари.

С тех пор Джоконда признавала Анхен за мать – ластилась, приглашала к грумингу – прижималась грудью к полу и вытягивала голову, прижав чёрные уши к спине – чеши и гладь!

Ростоцкие уселись пить чай в гостиной. У буфета стоял пузатый самовар, на прямоугольном столе под голубой керосиновой лампой разложили принесённые сладости – устроили маленький пир.

– Знаешь, Анхен, в моём классе новая ученица. Её папенька шарман как хорош, – мечтательно сказала Мари, откусывая кусочек пастилы.

– Какая же влюбчивая ты, – укорила её сестра, выбирая конфету. – Теперь ещё и господин женатый. Право слово, можно сколько уже ребячиться?

– Что значит ребячиться?! Я замуж хочу, и детей родить, – упрямо сказала Мари, откладывая пастилу.

– Знаешь прекрасно ты, что сие затруднительно.

– Ну, почему затруднительно?! Почему?

– Сначала смыть нужно пятно позорное, которое легло на нас папеньке благодаря, – сказала Анхен с укором. Как будто это Мари опозорила семью.

– Столько лет прошло! Все уже позабыли тот случай, – с надеждой посмотрела Мари на неё.

– В свете не забывается ни-че-го, – не дала она ей этой надежды, потом добавила мягче. – Ничего, переживать не надо – найдём тебе мы партию.

– А тебе? Анхен, ты сама не думала о замужестве? – сказала сестра, и даже её круглые окуляры выражали любопытство, ожидая ответа.

– А хорошо и так мне, – ответила барышня, усмехаясь.

Досье на господина Самолётова Ивана Филаретовича

Возраст: 25 лет.

Место рождения: Санкт-Петербургская губерния, город Гатчина.

Из какого звания происходит: из дворян.

Вероисповедание: православное.

Есть ли имя у него самого и у родителей: родовое, благоприобретенное: нет.

Есть ли имя у жены, если женат: родовое, благоприобретенное: нет.

Чин: XII классный чин.

Должность: делопроизводитель.

Знаки отличия, награды: орден Святой Анны.

Содержание: 420 рублей и дополнительно: столовые деньги – 80 рублей, квартирные – 50 рублей.

Где получил воспитание: родители одного происхождения из старинных дворянских родов. Детство провёл в родовом имении, а также во Франции. Получил домашнее образование, в дом приглашали гувернёров для него и младшей сестры Ольги. Филарет Самолётов проиграл своё наследство и наследство жены в карты, оставил семью без средств к существованию, застрелился.

Полный курс наук: Санкт-Петербургская гимназия, затем первый курс императорского Санкт-Петербургского университета юридического факультета. Далее оплачивать было нечем. Семья разорилась.

Послужной список:

Военная служба

14 сентября 1882 года. В службу вступил в Уланский Его Величества лейб-гвардии полк ротмистром.

25 ноября 1884 года. Получил звание майора.

12 апреля 1885 года. По Высочайшему приказу по прошению оный уволен от службы для определения к учебе в университете.

Статская служба

13 января 1888 года. Определен по прошению помощником пристава городской полиции Санкт-Петербурга.

22 октября 1888 года. Поощрен ценным подарком за арест казначея Петергофского казначейства с похищенными 48 тысячами рублей казенных денег.

16 апреля 1889 года. Вступил в должность делопроизводителем в управление полиции Санкт-Петербурга.

11 июня 1889 года. Представлен к поощрению за внедрение в преступную организацию и поимку особо опасного главаря оной.

Взыскания: таковых не имеется.

Нахождение под судом: такого не имеется.

Походы против неприятеля: не участвовал.

Холост или женат: холост.

Дети: не имеется.

Заключение: к продолжению статской службы способен и повышения чином достоин.

Дачный поселок Хитряево

– Bonjour, Анна Николаевна!

Едва она вошла в кабинет сыскарей на следующее утро, к ней подлетел делопроизводитель Самолётов – ровный пробор в идеальном состоянии, волосы прилизаны.

– Доброе утро, – ответила Анхен.

Сегодня она надела строгий серый костюм и добавила к нему аксессуаров – красные перчатки, красная брошь и любимые рубиновые серьги.

– Похвально, что без опозданий, барышня. Похвально, – заметил господин Громыкин в неизменном сером костюме в жёлтую клетку, надевая шляпу. – Ах, впрочем, не до реверансов. Едем!

Они вышли из здания полицейского управления, уселись в экипаж и отправились на вызов.

– Ночью произошло убийство в дачном посёлке Хитряево, – сообщил в дороге господин Самолётов, склоняясь к Анхен.

– Убит кто? – поинтересовалась она.

– Директор гимназии. Некто господин Колбинский.

– Иван Дмитриевич? – удивилась Ростоцкая.

– Вы с ним были знакомы? – в свою очередь удивился делопроизводитель.

– Ещё вчера я видела его, – сказала Анхен.

– Как тесен мир, однако!

Господин Громыкин тоже заинтересовался.

– Так что Вы знаете об убиенном? Что?

– Да не так чтобы очень много знаю я о нём. Служил по военной части он где-то, потом поступил естествознания учителем в гимназию женскую. Как раз с сестрою мы учились там. А потом директором назначили его в оном заведении. Умен, красноречив, властен, – сказала Анхен и добавила. – Был.

– А Вы всегда стихами говорите? – спросил господин Самолётов с высокомерной улыбкой на пухлых губах.

– Иначе не умею я, – ответила госпожа Ростоцкая, слегка задрав подбородок. – А что такое? Вам неприятно сие?

– Ни в коем разе. Интересуюсь, – ступевался делопроизводитель.

– Да что же ты так везёшь-то, окаянный, будто дрова, ей Богу! Будто дрова, – закричал дознаватель городовому на козлах возницы.

Экипаж подбросило на ухабе так, что делопроизводитель и Анхен подпрыгнули.

– Виноват, Ваше высокоблагородие, – буркнул служака.

Госпожа Ростоцкая склонилась к господину Самолётову.

– Мне кажется сие, или начальство гневается? – спросила Анхен у молодого сыщика, сильно понизив голос.

– Будешь тут... гневаться. Утром вернулся от господина Орловского цветом... вот как Ваши серьги. Может даже краснее рубина.

– Чем неугоден теперь стал Фёдор Осипович кавалеристу нашему?

– Не то чтобы совсем уж неугоден. Это у господина Орловского метода такая. Заранее наорать, чтобы проворней работалось. Дело-то нешуточное, убийство. Газетчики уже откуда-то узнали. Ох, тяжело нам придётся, доложу я Вам, а дознавателю вообще не позавидуешь.

Анхен посмотрела на господина Громыкина с сочувствием. Тот же справился с сиюминутным порывом и обратился к делопроизводителю.

– Теперь Ваша очередь докладывать, господин Самолётов. Ваша очередь, – попросил-приказал дознаватель, приглаживая рыжую бороду.

– Значит так. Господин Колбинский Иван Дмитриевич, пятидесяти трёх лет отроду. Закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета с отличием. Разряд естественно-испытательный. Высоко характеризовался профессорами и после университета пошёл по научной части и на службу в армию. Далее его судьба малоизвестна, ибо военное ведомство не соизволило предоставить сведения. *Projet special, top secret.*

– Ну что же. Похвально, молодой человек. Эх вы ловко за час раздобыли всю подноготную жертвы. Похвально.

Господин Самолётов приподнял край шляпы, но тут возница опять не справился, и экипаж подбросило на ухабе. Лес внезапно расступился в стороны, и перед глазами открылся пасторальный пейзаж – округлый мостик перекинулся через извилистую речку, на том берегу коровы шипали зелёную траву, гуси, важно переваливаясь, вереницей шли на водопой – гусыня загототала – Не отставать! Поодаль стояла деревня, откуда, видимо, и пришла сия живность. Вдоль берега высились деревянные дачи, белые беседки, просто скамейки для любования природой.

– Эх, живут же люди, – вздохнул господин Громыкин, округляя глазки-пуговицы. – А у нас в городе толкотня, смрад и миазмы. Ещё вон жуликов лови да душегубцев.

– В посёлке сим проживают, в основном, профессоры, философы и художники, – уточнил делопроизводитель. – Немного купцов. Из нуворишей.

– А Вы почём знаете? – заинтересовался дознаватель.

– Узнал до того, как мы сюда отправились.

– Подождите, а господин Колбинский причём? Ни к одному из сословий не относится он, – удивилась Анхен.

– Не ведомо мне сие. Купил, вероятно, – пожал плечами господин Самолётов.

– Откуда столько деньжищ, я не постесняюсь спросить? Не постесняюсь, – возмутился господин Громыкин. – Вы себе представляете, сколько катенок здесь дача сто́ит? Я вам без ворожеи доложу, что директорского жалованья на сию покупку не хватит. Не хватит.

Ростоцкая уже заметила странную привычку дознавателя повторять некоторые избранные им слова в конце предложения. Это было странно, впрочем, и она не без греха.

– Будем допытываться, откуда, – заверил его делопроизводитель.

– Вы знаете что, барышня, Вы не стесняйтесь, рисуйте, как можно больше рисуйте. Ясно Вам? – наставлял её Фёдор Осипович.

– Что именно надобно мне рисовать? – на всякий случай уточнила она.

– А всё – жертву, место обнаружения трупа в деталях, свидетелей, допрашиваемых. Всех, кто Вам на глаза попадётся, всех и рисуйте. Это может пригодиться в расследовании.

Карета остановилась у заросшего палисадника. Ростоцкая вышла из неё – господин Самолётов любезно предложил ей руку, и увидела просторный деревянный дом в русском стиле – с мансардой, балконом, резными карнизами, причелинами и вычурными наличниками. Высокие окна заканчивались полукругом. У резного же крыльца стояла заплаканная женщина в простом голубом платье, поддерживаемая служанкой в белом переднике.

– Жена директора это, – шепнула Анхен делопроизводителю.

Госпожа Ростоцкая вытащила блокнот и карандаш. Она должна запечатлеть такую красоту – петербургская дача, утопающая в зелени.

– Разрешите Вас приветствовать. Чиновник для исполнения поручений сыскной полиции Громыкин Фёдор Осипович, – важно представился дознаватель. – Чиновник.

– Ольга Колбинская, – кивнула заплаканная женщина. – Анна Николаевна, Вы здесь как?

– На службе в полиции теперь я состою, – ответила ей госпожа Ростоцкая.

Жену директора гимназии с легкостью можно было назвать русской красавицей – ей было около тридцати лет, однако свежесть и девическая стать в ней сохранились прекрасно. Дополняли эту прелестную картину синие глаза и толстая русая коса. Даже слёзы ей были к лицу. Такая красавица.

– А, доктор, и Вы здесь?! – подошёл делопроизводитель Самолётов к мужчине в хорошем костюме изумрудного цвета. – А мы уже за Вами послали городского. Сами видите, без Вас тут никак не обойтись.

Доктор поправил широкий пояс, расшитый фиолетовыми и лазурными нитями.

– Цинкевич, – представился он, приподнимая странную шапочку – тоже в фиолетовых оттенках, напоминающую среднеазиатский головной убор тубетейку. – Яков Тимофеевич. Ха-ха!

– Не удивляйтесь, Анна Николаевна, доктор у нас десять лет жил в Индонезии, – тихонько пояснил делопроизводитель, указывая на необычный наряд доктора. – И любит посмеяться в самом неуместном случае. Но умница, я Вам доложу, редкая. Genie! Использует новейшие методы медицины, химии, в Европе про такие ещё не знают, а у нас в управлении пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.